

О перце,
о любви,
о судьбе

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ
ВЕРЫ КОЛОЧКОВОЙ

СЛЕЗА ШАМАХАНСКОЙ ЦАРИЦЫ
ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ МАДОННА
ПАРАДОКС ГРЕТХЕН
КЛЮЧИ ОТ ЯЩИКА ПАНДОРЫ
ПАРТИЯ ДЛЯ ЛОВЕЛАСА
ОБИТЕЛЬ СИНЕЙ БОРОДЫ
СИНДЕРЕЛЛА БЕЗ ХРУСТАЛЬНОЙ ТУФЕЛКИ
ТВОЯ ЖЕНА ПЕНЕЛОПА
КОВАРСТВО, ИЛИ ТАЙНА ДОМА С МЕЗОНИНОМ
СЛЕПЫЕ ПО БРЕЙГЕЛЮ
ТРЕТИЙ РЕБЕНОК ДЖЕЙН ЭЙР
ПРАВИЛО ПАРАЦЕЛЬСА, ИЛИ ТРИЛОГИЯ ДЛЯ СВЕКРОВИ
ИЗ ЖИЗНИ МЭРИ, В ДЕВИЧЕСТВЕ ПОППИНС
ДЕТИ АФРОДИТЫ
ЛАСТОЧКА ДЛЯ ДЮЙМОВОЧКИ
ЛЕДИ МАКБЕТ МАРКЕЛОВА ПЕРЕУЛКА
РАНДЕВУ ДЛЯ ТРЕХ СЕСТЕР
БЛАГОСЛОВЕНИЕ СВЯТОГО ПАТРИКА
ДОМ ДЛЯ ОДИССЕЯ
ЗНАК НЕФЕРТИТИ
ЗОВ СИРЕНЬ

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ЗНАК НЕФЕРТИТИ

р о м а н

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Оформление серии *С. Власова*

Колочкова, Вера.

К61 **Знак Нефертити : роман / Вера Колочкова. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (О мечте, о любви, о судьбе. Проза Веры Колочковой).**

ISBN 978-5-699-90262-0

Анна — очень красивая женщина с профилем знаменитой египетской царицы. Но судьба досталась ей отнюдь не царская — рутинная работа, развод и непробиваемая ледяная стена между ней и ее детьми. Неудивительно, что сердце Анны очерствело. Но ведь когда-то было совершенно по-другому!..

Страшный диагноз, поставленный ей при обычном плановом обследовании, перечеркнул всю устоявшуюся жизнь, заставил женщину оглянуться и наконец-то вспомнить, какая она на самом деле. Если научиться доверять себе, отгиск Нефертити превратится из знака беды в символ счастья.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-90262-0

© Колочкова В., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Думали: нищие мы, нету у нас ничего,
А как стали одно за другим терять,
Так, что сделался каждый день
Поминальным днем, —
Начали песни слагать
О великой щедрости Божьей
Да о нашем бывшем богатстве.

Анна Ахматова

Наверное, на улице идет дождь. Ноябрьский, дымчатый, как траурная вуаль. А может, и снег пошел. Да, лучше бы снег. Отдернешь портьеру, а за окном все белое, новенькое, и небо светлое, и да здравствует зима — свобода от депрессии межсезонья. Да, хорошо бы — снег...

А впрочем, пусть и дождь будет, разницы-то никакой. Это в старой жизни были осень-депрессия и зима-свобода. И вообще — в старой жизни у природы не было плохой погоды, и любое время года вполне можно было принимать с послушной песенной благодарностью. А в этой, новой... В новой жизни все по-другому. И начинать ее страшно — хоть с дождем, хоть со снегом. И глаза открывать страшно.

Вот бы снова заснуть — впихнуть себя в забытые усилием воли! Или хотя бы фон под закрытыми веками сменить с фиолетового на красный, например. Или на оранжевый. Достал уже этот мерзкий фиолетовый...

Нет, не заснуть. Выспалась, никуда не денешься. Надо глаза открывать. И что самое противное — знаешь, куда взгляд упрется. Давно ведь хотела снять эту картинку, надоела уже... Папирусный профиль царицы Нефертити в черной рамке — фу, пошлость несутная. Экое самомнение — вообразить свой профиль на Нефертити похожим! Ну да, не сама придумала, многие говорили... Может, и есть маленькое сходство, самую чуточку, общий абрис. Но мало ли что говорят! Обязательно нужно картинку на стену присобачивать? Просыпаться и с самого утра в экстаз впадать? Подумаешь, кто-то когда-то заметил сходство... Тем более она царица египетская, а ты — никто. Ты — женщина, получившая от жизни оплеуху. И не одну. Так что скромнее, скромнее надо быть, проснувшись женщина с оплеухой...

Все, хватит самоуничижений. Нужно вставать. Долгое валяние в постели — это удовольствие оттуда, из старой жизни, и название у него приятное, той жизни вполне соответствующее — утренняя нега. А в этой жизни оно — пустой звук, обманное промежуточное состояние. Довольно тягостное, между прочим. И надо вытаскивать несчастный организм из этого состояния любым способом. Хотя каким еще способом... Способ всегда один — усилие воли называется. Так, собралась! Собралась,

Анька, тряпка! Все — в быстрой последовательности! Открыла глаза, сбросила одеяло, встала!

Надо же, получилось. Хотя и плохо — ноги в коленках дрожат, и в голове что-то лопнуло, закружилось, пробежало по телу морозной судо­рогой. Шагнула к окну, отдернула портьеру...

Точно, дождь. Именно такой — ноябрьский, дымчатый. Кусок улицы в проеме окна съежился моросным недовольством — чего уставилась, мол, не гляди, на что тут глядеть-то... Серые мокрые пятиэтажки в рядок, в одной пятиэтажке — аптека, в другой — лавка продуктовая. Из аптеки бабушка вышла, в лавку тетка с кошелкой зашла. К остановке троллейбус подкатил, выплюнул двух девчонок в ярких курточках. Постоял, уныло раскрыв двери, дальше поехал. Сейчас на углу долго в поворот вписываться будет...

Интересно, а как она сама оттуда, с моросной улицы, смотрится? Тоже не очень, на­верное. Если даже профилем Нефертити по­вернется, все равно — не очень. Или, может, наоборот — кажется обманчиво романтичной сквозь дождевое окно. Как в клипе у Пугачевой — крикну, а в ответ тишина! Сильная жен­щина плачет у окна...

Нет, это не про нее. Она ж не кричит. И тем более не плачет. Это окно плачет — сизое, дым­чатое. Ноябрь на дворе, ему и положено пла­кать. Нет, все-таки плохо, что жизнь меняется

именно в ноябре. Вот если бы летом... А что, собственно, летом? Летом было бы еще хуже — по закону подлости. Все кругом цветет и пахнет, и жизни радуется, а ты среди этой красоты пучишься своим горем... Нет, пусть уж будет фон соответствующий. Есть, есть в этом какая-то подлая закономерность.

Наверное, надо всплакнуть. Вздохнуть прерывисто, закусить губу, невольно унести памятью в самое светлое воспоминание из прошлого-пережитого... А потом вынырнуть и задать себе скорбный вопрос — как же так, Анька? Как так получилось, что стоишь ты сейчас у окна, сорокапятилетняя тетка Анна Васильевна Лесникова, и тихо удивляешься — как же так? Вот это все — дождь, улица, дома, троллейбусная остановка — все это будет, а тебя что, не будет? После дождя снег пойдет, принесет в щель приоткрытой оконной створки запах арбузной свежести, а тебя — не будет?!

Ох, как звенит внутри обиженной невероятностью. Ее, значит, не станет, а этот кусок улицы будет существовать по-прежнему. И люди на остановке соберутся, и будут похожи сверху на раскинувшиеся вороны крылья. И троллейбус приплюхает, откроет двери, втянет их в свое нутро. И бабушка из аптеки выйдет, и тетка с кошелкой в лавку войдет. Все будет. А ее всклокоченной головы в окне не будет. И никто этой потери в мизансцене не заме-

тит. Подумаешь, всклокоченная женская голова в окне — была, и нету...

Нет, не принимает душа. Не верит. Потому, наверное, и слез нет. И вообще — холодно стоять босиком. Надо пойти под душ встать...

Привычная вроде бы утренняя процедура, а удовольствие — непередаваемое! И гель для душа пахнет жасмином, и шампунь — травами. Зеркало запотело, надо на него водой плеснуть. Вот же дурная привычка — рассматривать себя придиричиво в зеркале во время утреннего мытья. Когда ремонт в ванной делали, сама стояла на этом зеркале, хотя Виктор категорически против был... Да кто его тогда спрашивал, Виктора. Дала команду — впаяли зеркало, и все дела. С тех пор и вошло в привычку — по утрам свою фигуру жестко оглядывать на предмет появления жировых складок. А что делать — природа одарила склонностью к ним, к небольшим складочкам.

И сейчас по привычке оглядела себя, повернулась боком, выгнула спину. Ничего, вроде все в норме... Не толстая, но довольно крепенькая, согласно возрасту. Линия бедра четкая, живота и в помине нет. Но это утреннее оглядывание сегодня удовольствия не принесло. Досада взяла — усмешливая, стыдливая. Вроде теперь-то уж зачем...

Да, она всегда боялась этого горя — растолстеть. И когда Лерку рожала — боялась, и когда

Антонна — тем более. Нет, когда грудью детей кормила, приходилось жертвовать страхами, тут уж ничего не попишешь, грудное вскармливание — дело святое. Кормила и сама себя на последующие голодные лишения настраивала, и морила потом себя диетами, то на овощах сидела, то на кефире. Ох уж эти диеты — воспитание жестокости по отношению к собственному организму... Лишний кусок хлеба — преступление. Квадратик шоколадного торта — расстрел. Беговая дорожка до изнурения. Куча денег из семейного бюджета на массажи-обертывания... Потом вообще в принцип жизни вошло — всегда надо быть в форме, ни шагу назад! Сохранить легкость фигуры до старости! Шестьдесят килограммов — программа-минимум, пятьдесят килограммов — программа-максимум! Теперь вот спроси себя — зачем... Зачем все это было нужно? Выходит, все старания прахом пошли...

Интересно, потом, после их медицинского зверства... Каким оно будет — химическим, гормональным, черт его знает? А фигура совсем расплзется, или как?

Да, глупо сейчас об этом думать. Тем более и без того понятно, что расплзется. И не только фигура, а весь организм на осколки — жалкие, болезненные...

Вздыхнула, резким движением повернула рычажок душа — хватит с нее утренних удовольствий. Глянула на себя последний раз в зер-

кало, мысленно поставила галочку в аргумент под названием «против». Мазохистскую галочку, жирную. Вот вам, доктор Козлов, еще один аргумент. Глупый, по-вашему, я все понимаю, но тем не менее. А вы говорите — о чем тут думать... Женщине с печальным диагнозом всегда есть о чем думать, господин Козлов! Тем более женщине сильной... Хоть она и не плачет у окна. И не кричит, когда вокруг тишина, если по Пугачевой.

Я думаю, господин Козлов, думаю. А может, я так думаю, что думаю...

* * *

Помнится, как она в первый раз усмехнулась, глянув на эту табличку на двери — «Козлов Г.Г.». Подумалось легкомысленно — надо же, с такой фамилией — и маммолог... Лучше бы уж в проктологи подался, больше бы соответствия было. И в очередной раз чертыхнулась в адрес кадровички Ларионовой — привязалась с этой диспансеризацией, всю плешь проела! Идите, говорит, Анна Васильевна, иначе Остапенко вас в список на квартальную премию не включит. Тем более уже все диспансеризацию прошли, вы одна остались... Еще и посмотрела укоризненно, будто она и есть самая ответственная чиновница в их департаменте. Так и захотелось ее на место поставить, чтоб не увлеклась малень-

кой властью! Подумаешь — отдел кадров... Да в их департаменте государственного заказа эта структура — вообще ненужный отросток, к основной деятельности отношения не имеющий! А что в самом деле? Может, эта укоризненная Ларионова за нее срочную справку по прогнозу сделает? Или финансовый план, например?

Да, сильно она тогда на кадровичку обозлилась. Ворвалась к Остапенко в кабинет, с грохотом отодвинула стул, уселась за маленький столик, придвинутый к фундаментальному остапенковскому столу.

— Андрей Иванович! У нас теперь что, работой департамента отдел кадров руководит?

Он поднял от бумаг недовольные глаза, глянул поверх очков:

— Что случилось, Анна Васильевна?

— Да меня только что Ларионова пугала, что если я на диспансеризацию в поликлинику не пойду, вы меня квартальной премии лишите!

— Так сходите в поликлинику, Анна Васильевна, в чем дело-то... Все сходили, и вы сходите. Что ж делать, если надо. У нас с тридцать второй поликлиникой договор подписан, пока все диспансеризацию по списку не пройдут, нельзя акт выполненных услуг подписать.

— А когда я пойду, Андрей Иванович?

— Да хоть сейчас, пожалуйста.

— Да? А справку по движению средств кто для вас сделает?

— Ну, справку... Справка мне нужна, конечно. Так эта пусть делает, как ее... Которая новенькая...

— Ксения Максимовна, что ли?

— Да, да, Ксения Максимовна!

— Ага, она вам сделает, потом концов не найдете! Она же только после института пришла, практики никакой, знаний — ноль! Явно кто-то сверху по блату пропихнул!

— Ну, вы свои выводы при себе держите, Анна Васильевна... Ничего, дайте ей задание, пусть сделает. А вы потом, если что, подкорректируете. А на диспансеризацию все равно придется сходить, соблюсти формальности.

— Ну что ж... Если формальности вам дороже... Я схожу, конечно...

— Идите, Анна Васильевна. И постарайтесь в один день всех врачей обойти. Там, в поликлинике, для наших сотрудников зеленый коридор предусмотрен, так что, я думаю, одного дня вам хватит.

Пожала плечами, хмыкнула, демонстрируя возмущенное непонимание. Уже в дверях обернулась, спросила обиженно:

— А что, если б я не пошла... И впрямь квартальной премии бы лишили?

— Да! Лишил бы! — уже звенел легким раздражением голос Андрея Ивановича. — Порядок есть порядок, Анна Васильевна! И он для всех одинаков, несмотря на заслуги и звания!

— Да уж, странные у вас порядки... Сейчас насильно даже в психушку не загоняют...

И закрыла за собой дверь, слишком торопливо, дабы не полетело в спину еще большее раздражение. Нет, в общем и целом он мужик неплохой, этот Остапенко, зря она его разозлила... Бывают начальники и похуже. А только все равно не хочется целый день на дурацкую диспансеризацию гробить! Придумали формальность — бегать по врачам, подписи собирать! Оно, конечно, понятно, что медики под святым лозунгом охраны здоровья трудящихся хорошо себе руки греют, но бедный чиновничий люд зачем так уж откровенно насиловать? Грейте руки на тех, кто по врачам любит ходить, а остальных в покое оставьте...

Она вот, например, всяких больниц с детства не любила. Помнится, отсидка перед кабинетом врача на коленкоровой драной кушетке была сродни самому жестокому наказанию. И запах больничный, будто прогорклый... Может, на самом деле и не было в нем никакой прогорклости, но все равно чудилось, что запах настырно въедается в тело, в кровь, в душу, лишая последней воли. В детстве она часто болела и много времени провела вместе с мамой на таких драных кушеточках в очереди к врачу. А когда подросла, сама себе зарок дала — больше ни за что и никогда... Умирать будет, а по врачам не

пойдет! С детства хватило — до взрослой идиосинкразии...

Но ничего не попишешь — придется свою идиосинкразию спрятать до времени. Остапенко — он такой, сильно принципиальный, и впрямь может в список на премию не включить. А премия ой как нужна... На эту премию много уже чего расписано, строго по пунктам. Денег-то теперь — кот наплакал, на одну зарплату не разживешься. А с Виктора, как говорится, взятки гладки, и без того добровольный алиментный взнос за три месяца задолжал... Работу он потерял, видишь ли! Сначала голову потерял, а потом и работу! А на какие шиши сына в институте учить — ему и дела нет!

Так, подогревая себя привычными раздраженными мыслями, дошла до поликлиники, взбежала на крыльцо, дернула на себя тяжелую дверь. Вошла в вестибюль, вздохнула — так и есть, у окошка регистратуры очередь клубится. Ну, и где ваш обещанный зеленый коридор, господин Остапенко иже с госпожой-кадровиком Ларионовой? Выходит, чтоб в него войти, надо сначала всю очередь протаранить? Что ж, будем таранить, не стоять же послушно в ряду болезных, вбирая в себя их энергию! Так, значит! Морду злым комочком, плечико востренькое вперед, и туда, к окошку... И не клубитесь своим возмущением, господа немощные боль-